

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.51

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-147-160>

Гражданско-правовая защита частной жизни гражданина после его смерти

В. Д. Устинов¹, О.А. Коротких¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: korotkixol@gmail.com

Резюме

Актуальность. В статье рассмотрены особенности гражданско-правовой защиты частной жизни человека после его смерти другими лицами в соответствии со статьей 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Анализируются позиции правоведов относительно неоднозначного феномена «переживания права» при неотчуждаемости нематериальных благ, когда посмертной защите подлежит информация о частной жизни умершего гражданина. Изучена сложившаяся судебная практика по разрешению таких исков на предмет гражданско-правовых средств защиты права на частную жизнь умершего человека, решения Конституционного и разъяснения Верховного судов Российской Федерации по вопросам, связанным с охраной рассматриваемого личного неимущественного права в гражданском судопроизводстве.

Цель исследования – дополнение теоретических положений, углубляющих гражданско-правовую теорию о посмертной защите частной жизни, и разработка предложений для устранения существующих пробелов в гражданско-правовом регулировании в данной сфере.

Задачи: проанализировать решения судов по искам о посмертной защите частной жизни, постановления Конституционного и решения Верховного судов Российской Федерации, выявить недостатки в редакции статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также актуализировать с учетом научных дискуссий предложения, касающиеся реализации нематериальных благ после смерти.

Методология. Для достижения теоретического и практического результата автором использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и частнонаучные методы (формально-юридический, системно-аналитический и формально-логический, метод анализа и обобщения судебной практики).

Результаты исследования определяются его теоретико-прикладным характером и содержат авторское видение совершенствования норм Гражданского кодекса Российской Федерации в части посмертной охраны права на частную жизнь (изменение перечня лиц, имеющих право защитить интересы умершего, легализация понятия «добрая память об умершем гражданине»).

Вывод. Посмертная защита частной жизни делегируется государством близким родственникам умершего человека в силу общественного и личного интереса. В связи со смертью прекращается правосубъектность человека, а субъектами правоотношений становятся те, кто осуществляет защиту частной жизни покойного.

Ключевые слова: частная жизнь; нематериальные блага; личные неимущественные права; «феномен переживания»; судебная практика.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Устинов В. Д., Коротких О. А. Гражданско-правовая защита частной жизни гражданина после его смерти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 147–160. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-147-160>

Поступила в редакцию 30.04.2024

Принята к публикации 30.05.2024

Опубликована 28.06.2024

© Устинов В. Д., Коротких О. А., 2024

Civil protection of a citizen's privacy after his death

Vadim D. Ustinov, Olga A. Korotkich¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: korotkixol@gmail.com

Abstract

Relevance. The article considers the peculiarities of civil protection of a person's private life after his death by other persons in accordance with Art. 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation. The positions of legal scholars regarding the ambiguous phenomenon of «experience of law» with the inalienability of intangible benefits, when information about the private life of a deceased citizen is subject to posthumous protection, are analyzed. The established judicial practice was studied to resolve such claims for civil law remedies for the right to privacy of a deceased person, decisions of the Constitutional Court and clarifications of the Supreme Courts of the Russian Federation on issues related to the protection of the personal non-property law in question in civil proceedings.

The purpose of the study is to supplement theoretical provisions deepening the civil law theory of posthumous protection of privacy, and to develop proposals to eliminate existing gaps in civil law regulation in this area.

Objectives: to analyze court decisions on claims for posthumous protection of private life, decisions of the Constitutional Court and decisions of the Supreme Courts of the Russian Federation, to identify shortcomings in the wording of Art. 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to update, taking into account scientific discussions, proposals regarding the sale of intangible benefits after death.

Methodology. To achieve a theoretical and practical result, the author used scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and private scientific methods (formal-legal, system-analytical and formal-logical, method of analysis and generalization of judicial practice).

The results of the study are determined by its theoretical and applied nature and contain the author's vision of improving the norms of the Civil Code of the Russian Federation in terms of posthumous protection of the right to privacy (changing the list of persons entitled to protect the interests of the deceased, legalizing the concept of «good memory of a deceased citizen»).

Conclusion. Posthumous protection of privacy is delegated by the state to close relatives of the deceased person by virtue of public and personal interest. In connection with death, the legal personality of a person ceases, and those who protect the privacy of the deceased become the subjects of legal relations.

Keywords: private life; intangible goods; personal non-property rights; «the phenomenon of experience»; judicial practice.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ustinov V.D., Korotkich O.A. Civil protection of a citizen's privacy after his death. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(3):147–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-147-160>

Received 30.04.2024

Accepted 30.05.2024

Published 28.06.2024

Введение

Наступившая эпоха цифровизации в развитии человечества ознаменовалась не только стремительным переходом к информационному обществу, но, помимо неоспоримых преимуществ (в социальной коммуникации, в маркетинге, получении услуг, реализации прав), породила проблему вмешательства в частную жизнь. Многие IT-технологии кардиналь-

ным образом изменили доступ к информации о личной жизни человека, его сокровенным тайнам, многократно облегчили поиск конфиденциальных персональных данных [1, с. 5]. Из социальных сетей можно получить информацию об образе жизни человека, изучить его привычки, увлечения, личные качества, узнать уровень благосостояния и др. Новые программы для нахождения личных

данных с большей эффективностью, чем поисковые сервисы, позволяют обнаружить в открытых источниках на просторах Глобальной сети любую информацию о человеке. К примеру, с помощью уникальной технологии osint, pentest и нетсталкинг можно провести анализ всех ресурсов, находящихся в интернет-пространстве. Как отмечают исследователи, такие программы используются для сбора с сайтов, из социальных сетей и прочих онлайн-платформ чужих персональных данных, многие из которых составляют сведения о частной жизни, личную или семейную тайну (e-mail, номер телефона, сведения о семейном положении, образовании, месте работы, должности, фотографии и др.) [2, с. 6]. Технологии искусственного интеллекта, к примеру, применяют правоохранители для анализа персональных данных (видеозаписей, фотографий), размещенных в социальных медиа, как источников информации о подозреваемых и идентифицированных преступниках.

В то же время активное внедрение новейших ИТ-технологий связано и с высоким риском нарушения неприкосновенности частной жизни людей. Как показывают судебные решения, такие технологии незаконно используют кредитные организации для оценки кредитоспособности потенциальных клиентов (скоринг), исходя из их персональных данных и сведений о частной жизни¹. С их помощью похищаются персональные данные для криминальных целей с использованием методов социальной инженерии, что требует обеспечения гарантий надежной защиты частной жизни в условиях цифрового общества [3, с. 92]. Крайней формой нарушения конституционного права на неприкосновенность частной жизни человека является вторжение в нее

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 05.05.2017 по делу № А40-5250/17 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YLVZ7F3cAwU0> (дата обращения: 25.03.2024).

посторонних лиц после его смерти. Правоприменительная практика свидетельствует, что наследники обращаются в суды за защитой права умершего на неприкосновенность частной жизни в случае неправомерного сбора, распространения или использования информации, содержащей его персональные данные, личную, семейную тайну. Конституционный Суд РФ применительно к уголовному судопроизводству в постановлении от 14 июля 2011 г. № 16П объяснил необходимость защищать заинтересованными лицами добрую память об умершем: «При законодательном закреплении гарантий защиты памяти об умерших и сохранения достойного к ним отношения, которые не могут быть исключены из сферы общего (публичного) интереса в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), нельзя не принимать во внимание наличие у заинтересованных лиц, прежде всего близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого), настаивающих на продолжении производства по уголовному делу, законного интереса, оправдывающего дальнейшее рассмотрение дела, который во всяком случае может заключаться в желании защитить как честь и достоинство умершего и добрую память о нем, так и собственные честь и достоинство, страдающие ввиду сохранения известной неопределенности в правовом статусе умершего в случае прекращения в отношении него уголовного дела по не реабилитирующему основанию»².

Масштаб проблемы, усугубляемой внедрением информационных техноло-

² По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 5.

гий, доступностью конфиденциальной информации, анонимностью пользователей интернет-платформ, делает актуальной и тему гражданско-правовой защиты частной жизни гражданина после его смерти. В теории российского права решением проблемы юридической охраны частной жизни человека в своих работах занимались представители различных наук (Н. Г. Гавилиди [4, с. 17]; М. А. Гаврилов [5, с. 49], А. П. Пинчук [6, с. 119]; А. М. Нурбалаева [7, с. 89]; Н. Ш. Гаджиалиева [8, с. 105]; Р. В. Новиков [9, с. 64]). Вместе с тем малочисленны научные публикации, в которых рассматриваются вопросы, связанные с неправомерными действиями с информацией, составляющей частную жизнь умершего человека. Авторы избрали для исследования указанную тему для восполнения пробелов в научных изысканиях.

Методология

Методологическая основа настоящей работы определялась избранной тематикой. Она включает общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы – формально-юридический, формально-логический, системно-аналитический и метод анализа и обобщения судебной практики. При помощи формально-юридического, формально-логического и системно-аналитического методов осуществлялось толкование нормы об охране частной жизни гражданина, в том числе умершего, исследовались особенности института материальных благ и личных неимущественных прав в их неразрывном единстве со ст. 152.2 «Охрана частной жизни гражданина» Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Посредством формально-юридического метода и метода анализа и обобщения судебной практики авторы изучили научные труды, позиции теоретиков, произвели выборку решений судов по искам о защите частной жизни умершего гражданина в соответствии со ст. 152.2 ГК РФ. Указанные методы были

использованы и при ознакомлении с практикой Конституционного и Верховного судов РФ по делам о защите частной жизни человека после его смерти. Все названные методы в их совокупности применялись при формулировании выводов по предмету доказывания по делам этой категории, для разработки теоретических положений и законодательных предложений, направленных на совершенствование посмертной защиты человека от незаконного вмешательства в его частную жизнь.

Результаты и их обсуждение

Право на неприкосновенность частной жизни, а также личную и семейную тайну гарантируется Конституцией РФ в ст. 23. В ст. 24 Основной закон России провозглашает запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Эти положения становились предметом рассмотрения судьями Конституционного Суда Российской Федерации, разрешающими жалобы граждан о нарушениях их права на неприкосновенность частной жизни¹. Непосредственная защита частной жизни осуществляется нормами отраслевого законодательства –

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/ (дата обращения: 16.04.2024); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Д. Н. Усенко на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 158-О-О // Консультант Плюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/> (дата обращения: 16.04.2024).

уголовным, гражданским и административным. Как и в Конституции РФ, в п. 1 ст. 152.2 «Охрана частной жизни гражданина» ГК РФ законодатель назвал те же действия, которые нельзя совершать без согласия гражданина в отношении любой информации о его частной жизни. Это правило распространяется и на сведения о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни, если иное прямо не предусмотрено законом. После дополнения в 2013 г. ГК РФ ст. 152.2 на эту специальную норму законодатель возложил защиту конституционного права на неприкосновенность частной жизни человека¹. Своим местоположением в главе 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита» подчеркнута суть этого блага как личного нематериального, в отношении которого действуют законоположения, касающиеся других нематериальных объектов (право на защиту персональных данных, чести и достоинства, доброго имени и др.). Право на неприкосновенность частной жизни и его защиту не прекращается и после смерти человека, несмотря на то, что законодатель в п. 1 ст. 150 ГК РФ говорит о неотчуждаемости и непередаваемости иным способом нематериальных благ от их владельца другим лицам. Иными словами, ГК РФ осуществляет посмертную защиту отдельных благ, уже несуществующих и безразличных для умершего человека. И это притом, что правоспособность, а с ней и право иметь личные нематериальные права, после смерти человека прекращается [10, с. 40].

Расходится такой подход и с положением о том, что сами блага принадлежат гражданину от рождения либо в силу

¹ О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/ (дата обращения: 16.04.2024).

закона [11, с. 205]. В абз. 3 п. 2 ст. 150 ГК РФ содержится общая формулировка, которой разрешается применить правило о защите нематериальных благ и личных нематериальных прав после смерти человека другими лицами. Это предписание конкретизируется уже в п. 5 ст. 152.2 ГК РФ о том, что «другими лицами» в случае смерти гражданина являются его дети, родители и переживший его супруг. Они имеют право требовать защиты нарушенной частной жизни покойного.

Способы гражданско-правовой защиты частной жизни умершего человека перечислены в п. 2 ст. 150 ГК РФ. Закон, как следует из текста ст. 152.2 ГК РФ, их не разграничивает в зависимости от того, чья частная жизнь нарушена – живого или умершего человека. Тем самым ГК РФ, защищая частную жизнь умершего, допускает существование его права на ее неприкосновенность и после смерти при отсутствии самого субъекта [12, с. 142]. Этот вывод подтверждается практикой Конституционного Суда РФ по рассмотрению жалоб, которыми оспаривались нормативные положения, связанные с правами граждан после их смерти. Судьи неоднократно подтверждали свою позицию о том, что «законодатель обязан обеспечить уважительное отношение со стороны любых третьих лиц к волеизъявлению лица по вопросам, касающимся частной жизни, гарантируя его учет в том числе после смерти данного лица»².

Оправданно ли осуществление защиты нематериальных благ умершего и заинтересованными лицами, по сути принимающими на себя статус субъекта пра-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Т. М. Бирюковой, Е. В. Саблиной и Н. С. Саблиной на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда РФ от 10 февр. 2016 г. № 224-О // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/primoc/doc/71246368/> (дата обращения: 16.04.2024).

ва, принадлежащего умершему, его утратившему? В теории гражданского права тема бессубъектности до настоящего времени вызывает активную и неоднозначную дискуссию правоведов. По мнению одних ученых, охранять право ушедшего человека на неприкосновенность частной жизни абсурдно, ведь физическая жизнь человека уже прекратилась. И поскольку со смертью человек перестает быть личностью, от которой неотделимы права, то покойный утрачивает статус субъекта права [13, с. 92]. Эту позицию четко сформулировал Н. Д. Егоров, считая, что «личное неимущественное право не переходит по наследству и прекращает свое существование в момент смерти гражданина. Поэтому оно в принципе не может осуществляться или защищаться другими лицами» [14, с. 42]. Е. В. Гаврилов также категоричен в своих рассуждениях и считает, что мертвый человек (труп) не может быть субъектом правоотношений, а «феномен переживания» нематериальных благ связан с другой категорией – «добрая память об умершем человеке», а потому, полагает ученый, после смерти носителя прав речь может идти о защите личных интересов близких умершего или интересов общества в целом [10, с. 44]. Среди первых юристов, кто высказал эту мысль на страницах печати, был Р. Е. Гукасян [15, с. 62]. В. С. Толстой, как сторонник такого подхода к нематериальным благам после смерти, так описывает суть феномена «добрая память об умершем»: «...Живущий и умерший имели при жизни настолько тесное общение (например, кровные родственники, супруги, компаньоны по совместному творчеству), что некоторые сегменты их автономной жизни были для них общими. Тем самым покушение на личные права умершего – нарушение прав оставшихся в живых. Последние могут защищать не только честь и достоинство умершего, но и другие права, например его персональные данные, дневники и т. д.» [16, с. 110].

С точки зрения других авторов, и после смерти отдельные личные неимущественные блага существуют «в отрыве от человека в усеченном объеме (составе)» [17, с. 12]. Так, по мнению К. Б. Ярошенко, умершие могут быть признаны субъектами некоторых правоотношений через «правило интереса» [18, с. 73]. М. Н. Малейна считает, что некоторые блага отделимы от умершего человека, не сливаются с его личностью и «живут самостоятельно», подвергаясь ущемлению или присвоению. Среди них индивидуальный облик, тайна частной жизни, имя [17, с. 23]. Эту позицию разделяет В. А. Белов, аргументируя сохранение личных неимущественных прав за умершим их привязкой не к покойному человеку, а к юридическому факту его смерти [19, с. 634–639]. Соглашается с позицией «переживания» прав умершего человека и Е. В. Богданов. Он пишет, что как раз общество, интерес которого состоит в реализации права на личные неимущественные права умершего, передает их защиту определенному кругу живых лиц. Он же обосновывает позицию о признании субъектного характера общества, а народа – субъектом права [20, с. 29].

Представленный анализ имеющихся в специальной литературе мнений юристов в отношении сохранения личных неимущественных прав за умершим человеком позволяет определиться с авторской позицией. Признавая, что бессубъектных прав быть не может, а для покойного все они прекращаются после смерти, полагаем, что не умершие нуждаются в защите их нематериальных прав, а живые, «вторичные» субъекты права («это нужно – не мертвым! Это надо – живым»). Р. Рождественский «Реквием (Вечная слава героям)». В этом смысле должен учитываться публичный и частный, коллективный (близких и родных) интерес, выраженный в сохранении доброй памяти и доброго имени, чести и достоинства умерших (погибших на фронтах отече-

ственных войн, кинозвезд, музыкантов, других известных людей и обычных граждан).

Предложенная в теории права идея о «доброй памяти об умершем человеке» может быть реализована в ГК РФ в отдельных действующих нормах о защите нематериальных благ, в том числе в ст. 152.2 об охране частной жизни. В них может быть произведена замена терминологии в части права умерших на добрую память, тем более что в п. 5 ст. 152.2 ГК РФ об охране частной жизни в качестве объектов гражданско-правовой защиты выделяется субъективное право детей, родителей и пережившего супруга умершего гражданина защищать его интересы. И если отсутствует публичный интерес в придании гласности каких-то обстоятельств частной жизни умершего, следует признавать нарушением права на добрую память о нем любое распространение даже достоверной информации личного характера без получения на то согласия близких родственников.

В отличие от иных благ из перечня ст. 150 ГК РФ защита частной жизни умершего физического лица может быть осуществлена и посмертно. Ведь в отсутствие человека в случае его ухода из жизни незащитоспособными сами по себе становятся его жизнь или здоровье, личная неприкосновенность, а информация о нем или сведения о его личной жизни могут защищаться заинтересованными истцами для сохранения доброй памяти. Подлежать защите могут и честь, достоинство, изображение (образ), принадлежавшие умершему. Мониторинг вступивших в законную силу решений по делам этой категории подтверждает такой подход. Полагаем, что круг заинтересованных лиц, которые могут осуществлять защиту «вечных» прав по примеру зарубежного правотворца, может быть законодательно расширен за счет других близких родственников – братьев и сестер, бабушек и дедушек, если они живы (эти родственники указаны, к примеру, в

законе Испании от 5.05.1982 (Ley Organica 1/1982)).

Анализ судебных решений по гражданским делам о защите неприкосновенности частной жизни умершего человека показывает, что при подаче иска заявителем как заинтересованные лица доказывают следующие обстоятельства: факт распространения информации о частной жизни покойного; ее относимость именно к его частной жизни, а не к порочащим сведениям; были ли опубликованы сведения о частной жизни ранее самим умершим лицом либо стали общедоступными иным образом; отсутствие согласия заинтересованных лиц на опубликование подробностей частной жизни умершего родственника; степень и характер нравственных и физических страданий истца как следствие обнародования конфиденциальной информации о покойном родственнике; осуществлялось ли распространение сведений о частной жизни умершего гражданина, исходя из государственного, общественного или иного публичного интереса; получение широкой огласки конфиденциальной информации, если заявлено требование о ее удалении из открытого доступа. По решению судов, кроме компенсации морального вреда, возмещаются материальные убытки, которые истец должен доказать (по нашим данным, это, как правило, возмещение расходов на психолога) [20, с. 39]. Авторская выборка дел показала и еще одну особенность судебных процессов по таким делам: истец, заявляя свои требования, как правило, осуществляет защиту сведений, относящихся к его частной жизни, включая разглашение сведений о его близком покойном родственнике, которые субъективно, по мнению истца, нарушают право покойного на защиту его частной жизни после смерти.

Рассмотрим некоторые примеры гражданских дел о защите права покойного гражданина на сохранность тайны его частной жизни с установлением фактов, доказывающих ее нарушение

и принимаемых судом. Исследования, выполненные на рассматриваемую тему, подтверждают, что особую категорию дел составляют иски против интернет-ресурсов [21, с. 103]. Изучая тексты состоявшихся судебных решений, отметим, что истцами осуществляется защита частной жизни умершего, когда информация о ней сохранилась в аккаунтах социальных сетей после смерти пользователя либо размещалась в сети Интернет третьими лицами. В этом случае суды при разбирательстве гражданского иска возлагают обязанность на виновного в нарушении частной жизни умершего удалить информацию о нем и компенсировать моральный вред близким родственникам.

Так, решением Обнинского городского суда Калужской области деятельность интернет-страницы в социальной сети была признана незаконной, нарушающей право истца и его умершего отца на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Судом было установлено, что ответчик разместил на сайте, администратором которого он является, персональные данные истца и его покойного отца и сведения, касающиеся их частной жизни. Из протоколов оценки содержания интернет-страниц и их скриншотов, заверенных нотариусом, следует, что они включали в том числе персональные данные покойного (его фамилию, имя, отчество, дату рождения и смерти, место захоронения, фотографию, род деятельности, личные данные о близких родственниках). Доступ к указанной информации является открытым, а на ее распространение посредством сети Интернет ответчиком не было получено согласия у родственников. Суд возложил на него обязанность удалить все данные истца и его покойного отца, размещенные без его согласия в социальной сети, обязал не допускать дальнейшее их распро-

странение и взыскал компенсацию морального вреда¹.

Как показывает практика, в зависимости от обстоятельств нарушения тайны частной жизни покойного посредством информационных ресурсов истцами избираются разные способы защиты рассматриваемого нематериального блага. Это может быть только компенсация морального вреда, взыскиваемого с виновного лица, а в других случаях – уничтожение чужих данных, возложение обязанности удалить информацию о частной жизни умершего и его близких в Глобальной Сети или СМИ. Малораспространенной, но применяемой судами, является и практика предписаний опубликовать на спорных страницах сайтов в сети Интернет, где разглашались сведения, касающиеся частной жизни умершего, резолютивную часть решения суда о незаконности размещения чужих данных. Это разрешает абз. 2 п. 2 ст. 150 ГК РФ. К примеру, так поступил Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области. Он признал ответчиков Л. и О. виновными в распространении сведений, которые составляют тайну частной жизни, личную и семейную тайну истцов и их умерших родственников. Суд, исследовав вопрос о правомерности размещения ответчиками на страницах многочисленных сайтов в сети Интернет личных данных, касающихся чужой частной жизни, решил: «Размещение по адресам ...фотографий свидетельств о смерти близких родственников всех истцов, видеоматериалов, показывающих с разных точек надгробия умерших членов семьи, без согласия истцов, является нарушением частной жизни самих истцов и их покойных родственников». Сославшись в тексте решения на п. 5 ст. 152.2

¹ Решение Обнинского городского суда Калужской области от 24.12.2020 по делу № 2-1238/20 // N-ПДН: сайт. URL: <https://n-pdn.ru/judicial/content/razmeschenie-na-sayte-personalnih-dannih-umershego-i-ego-rodstvennikov/> (дата обращения: 22.04.2024).

ГК РФ о праве требовать защиты частной жизни умершего детьми, родителями и пережившим супругом, суд, признав нарушающими порядок распространения и использования информации о частной жизни истцов и их умерших родственников, взыскал в пользу всех истцов моральный вред, обязал удалить в 10-дневный срок с момента вступления в законную силу решения суда свидетельства о смерти, видеоматериалы могил и надгробий и опубликовать резолютивную часть решения суда в 10-дневный срок с момента вступления в законную силу решения суда¹. Иными словами, для применения такого способа защиты, как удаление информации, составляющей частную жизнь умершего гражданина, запрещая ее распространение в сети Интернет, суд принимает во внимание, что эта информация массово распространена на многих интернет-платформах, стала широко известной, а единственным способом прекратить ее дальнейшее распространение является публикация на тех же ресурсах выдержки из судебного решения.

При рассмотрении исков о неправомерных действиях в отношении информации о частной жизни умершего, его личной или семейной тайны в отсутствие согласия близких родственников, суд в соответствии с п. 1 ст. 152.2 ГК РФ дает оценку законным основаниям для ее обнародования и обстоятельствам, которые послужили причиной нарушения ее конфиденциальности. Например, разрешая по существу иск ФИО2 к ФИО3 и АО «Медстекло», Заводской районный суд г. Орла установил обстоятельства, при которых сведения о частной жизни покойного супруга истицы – ФИО6, директора АО «Медстекло», стали достоянием

коллектива АО. Истица считала, что разглашение сведений о ее личной жизни и мужа ФИО6, содержащихся в документах, хранившихся в рабочем сейфе ФИО6, является нарушением ее права и права ее покойного мужа на неприкосновенность частной жизни. В судебном заседании она убеждала суд в том, что личные документы умершего не должны подлежать аудиозаписи, произведенной работниками АО «Медстекло» при составлении акта осмотра кабинета мужа в АО «Медстекло». ФИО3 распространила сведения о частной жизни ФИО6 и его семье, содержащиеся в изъятых документах, предоставив их членам комиссии. Признавая безосновательными доводы истца о нарушении права на неприкосновенность частной жизни, разглашении личной тайны покойного работниками АО «Медстекло» и ФИО3, суд привел следующие доказательства. Истица ФИО2 не проживала совместно с ФИО6 11 лет, а ее муж жил в служебном кабинете. Открытие служебного сейфа после смерти покойного супруга являлось необходимостью и не свидетельствует о нарушении нематериального блага истицы и ее покойного мужа, поскольку разделение осматриваемых документов на личные и служебные было невозможным. Сам покойный передал ключи от сейфа ФИО3, что говорит его желании предоставить доступ к документам, хранившимся в сейфе. В отношении сведений, которые распространяла ответчица ФИО3 о неприязненных отношениях между истицей и ее покойным мужем, то суд оценил такое поведение выражением личного мнения, а его нельзя считать вмешательством в частную жизнь покойного супруга. Он проживал отдельно от истицы в жилой комнате в помещении АО «Медстекло», что было очевидным для его работников, не скрывал этого факта, а значит и не считал семейной тайной. На этих основаниях суд отказал в иске о

¹ Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 19.04.2016 по делу № 2-2342 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XVI5pqgCFXxa/?page=2®ular-court> (дата обращения: 21.04.2024).

взыскании денежной компенсации морального вреда¹.

Совершенно обоснованно суды принимают сторону истцов, если публикация о частной жизни умершего в средствах массовой информации не вызывалась государственным, общественным или публичным интересом. Суды ссылаются в этом случае на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”»². Так, К. (истец), обратилась в суд в интересах несовершеннолетней дочери А. и покойного мужа к газете «Хронометр» в защиту их частной жизни. После публикации газетой обстоятельств самоубийства мужа и отца А. с фотографией дочери она перестала посещать школу, поскольку посторонние люди задавали ей вопросы о трагедии. Дочь скрывала произошедшее с родным отцом, однако по ее фотографии историю гибели отца люди связали с ней. Ее эмоциональное здоровье ухудшилось, в связи с чем К. пришлось обратиться за помощью к психологу. Истец полагает, что ответчик нарушил право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну ее несовершеннолетней дочери и покойного супруга, разместив их фотографии. Обстоятельства смерти умершего и его причины следствием до настоящего времени не установлены. В своем решении в качестве обоснования для удовлетворения иска суд привел разъяснение Пленума Верховного Суда

РФ. Он указал следующее: «В пункте 8 постановления от 24 февраля 2005 г. № 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”³ говорится, что при разрешении споров, возникших в связи с распространением сведений о частной жизни гражданина, не имеет значения их соответствие действительности. Учитывается их обнаружение без согласия истца или его законных представителей. Исключением являются случаи, когда информация о частной жизни СМИ была распространена для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц. При рассмотрении настоящего искового заявления данные обстоятельства в ходе судебного заседания установлены не были». Суд по этим основаниям признал факт публикации материала, разгласившего сведения о частной жизни умершего супруга истицы, семейную тайну ее несовершеннолетней дочери А. нарушением их права на неприкосновенность частной жизни. Он взыскал в пользу истца К., действовавшей в интересах дочери А. и умершего гражданина Б., компенсацию морального вреда и убытки, понесенные истицей при оплате услуг психолога, обязал опубликовать в очередном выпуске газеты опровержение обстоятельств смерти Б. и удалить фотографию несовершеннолетней А.⁴

По аналогичному делу суд удовлетворил иск ФИОЗ о взыскании компенса-

¹ Решение Заводского районного суда г. Орла от 02.03.2021 по делу № 2-237/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XfjlgR2DHlYe/?regular> (дата обращения: 21.04.2024).

² О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/ (дата обращения: 16.04.2024).

³ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 16.04.2024).

⁴ Решение Фрунзенского районного суда г. Иваново от 10.07.2019 по делу № 2-2137 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FNNLsE2CEMxm/?regular> (дата обращения: 21.04.2024).

ции морального вреда вопреки тому, что согласие на расследование обстоятельств гибели близкого родственника редакцией СМИ дала родная сестра. Как следует из текста иска, ответчик на сайте в сети Интернет в сетевом издании «НГС.Новости» разместил статью, в которой содержатся сведения о личности истца и обстоятельствах убийства ее мужа. В обоснование исковых требований ФИОЗ указала, что в данной статье не были удалены ее персональные данные и разглашены обстоятельства смерти ее супруга, что является нарушением ее частной жизни и погибшего мужа. Незаконные действия ответчика, который без ее согласия огласил личную, семейную трагедию, привели к идентификации личности ее несовершеннолетнего сына. Читатели статьи поняли о том, что речь идет об истице и ее несовершеннолетнем сыне, тяжело переживавшем произошедшее с родным отцом. Одноклассники и друзья сына задают вопросы, напоминая ему о трагедии, в связи с чем он постоянно находится в стрессовом состоянии. Опровергая доводы ответчика о том, что родная сестра погибшего ФИОБ позвонила в редакцию с просьбой провести журналистское расследование, дав согласие на публикацию статьи с подробностями гибели брата, суд решил, что согласие ФИОБ не означает согласия его жены – истицы ФИОЗ, представляющей интересы несовершеннолетнего сына и ее умершего супруга. Суд руководствовался положениями п. 5 ст. 152.2 ГК РФ и указал, что истица как пережившая супруга умершего вправе требовать защиты его частной жизни. ФИОЗ не обращалась к ответчику, согласия на публикацию сведений о ней и членах ее семьи не давала, публикация содержит подробности частной жизни истицы и умершего, их несовершеннолетнего сына¹.

¹ Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 21.07.2020 по делу № 2-1412 // Судебные и нормативные акты

Выводы

1. Исходя из положений ст. 152.2 ГК РФ и иных норм ГК РФ о защите нематериальных благ и личных неимущественных интересов, можно сделать вывод о том, что посмертная защита частной жизни определяется не только личным (родственники умершего), но в ряде случаев и общественным интересом. Речь идет о защите блага, имеющего особое значение для общества или какой-то социальной группы, а потому субъектами правоотношений становятся те, кто осуществляет защиту интересов покойного.

2. Суды при рассмотрении гражданских дел о защите такого нематериального блага, как частная жизнь умершего человека, принимают те же доказательства нарушения, что и по делам о защите частной жизни граждан, лично ее осуществляющих.

Состав фактов, входящих в предмет доказывания по делам о защите частной жизни умершего человека, в мотивировочной части решения суд определяет самостоятельно, давая оценку не всей совокупности возможных доказательств незаконности действий ответчика, а только отдельным из них. Как следует из судебных решений, в обязательном порядке оценивается наличие или отсутствие согласия близких родственников умершего на распространение либо использование информации о нем, составляющей частную жизнь, его личную или семейную тайну. В отсутствие такого согласия судами учитывается и наличие государственного, общественного или иного публичного интереса в действиях ответчика. Иные факты, свидетельствующие в пользу позиции истца, судами не приводятся в качестве доказательства ущемления рассматриваемого права его близкого родственника.

3. Предлагается поддержать мнение ученых об изменении п. 5 ст. 152.2 ГК РФ

и дополнении перечня лиц, имеющих право защитить интересы умершего после смерти, другими близкими родственниками – братья, сестры, бабушки и дедушки, как это сделал зарубежный законодатель. Российскому правотворцу сле-

дует учесть и предложение теоретиков о легализации в нормах ГК РФ понятия «добрая память об умершем гражданине» для защиты личных интересов близких умершему лиц и интересов общества.

Список литературы

1. Гаджиев Х. И. Защита частной жизни в цифровую эпоху // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 5–20.
2. Дворянкин О. А. Osint, pentest и нетсталкинг // Информационные технологии интернета. 2022. Т. 2, № 84. С. 6–13.
3. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 90–101.
4. Гаврилиди Н. Г. Право на судебную защиту чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого), подсудимого как элемент конституционного права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 3 (13). С. 17–22.
5. Гаврилов М. А. Институт процессуального правопреемства в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 49–52.
6. Пинчук А. П., Решетников Г. Е. Некоторые аспекты охраны права частной жизни гражданина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12–4. С. 119–122.
7. Нурбалаева А. М. Особенности доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 2. С. 86–92.
8. Гаджиалиева Н. Ш. Предмет доказывания по гражданским делам о защите неприкосновенности частной жизни // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 1. С. 104–108.
9. Новиков Р. В. Правовое регулирование защиты информации, относящейся к сфере частной жизни граждан, в гражданском законодательстве и законодательстве о персональных данных // *Ex jure*. 2020. № 2. С. 64–71.
10. Гаврилов Е. В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 9. С. 39–47.
11. Ломовцева Я. Р. Особенности защиты личных неимущественных прав после смерти гражданина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3-2 (78). С. 203–206.
12. Патрушева А. А. Уголовно-процессуальное преемство прав умершего участника уголовного судопроизводства // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 1. С. 140–147.
13. Парыгина Н. Н. О проблеме правопреемства в отношении деловой репутации и иных нематериальных благ // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 8. С. 91–94.
14. Егоров Н. Д. Понятие гражданского права // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 42–65.
15. Гукасян Р. Е. Правовая охрана памяти об умерших и предмет судебной защиты // Правоведение. 1973. № 1. С. 61–66.

16. Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. М.: Элит, 2006. 209 с.
17. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. 244 с.
18. Ярошенко К. Б. Гражданско-правовая защита чести и достоинства // Проблемы совершенствования советского законодательства. 1989. № 3. С. 72–84.
19. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2009. С. 634–639.
20. Богданов Е. В. Проблема сохранения («переживания») прав и обязанностей умершего гражданина // Адвокат. 2015. № 8. С. 27–31.
21. Попова И. Ю. Об определении предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 37–49.
22. Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 103–118.

References

1. Gadzhiev Kh.I. Protection of privacy in the digital age. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*. 2019;(6):5–20. (In Russ.)
2. Dvoryankin O.A. Osint, pentest and netstalking. *Informacionnye tekhnologii internet = Information technologies of the Internet*. 2022;2(84):6–13. (In Russ.)
3. Alikhadzhiyeva I.S. Criminological risks of personal data: main trends and forecasts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*. 2023;13(3):90–101. (In Russ.)
4. Gavrilidi N.G. The right to judicial protection of the honor, dignity and good name of the deceased suspect (accused), defendant as an element of the constitutional right to a fair trial. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2011;(3):17–22. (In Russ.)
5. Gavrilo M.A. Institute of procedural succession in criminal proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*. 2018;(11):49–52. (In Russ.)
6. Pinchuk A P., Reshetnikov G. E. Some aspects of protecting the right to privacy of a citizen. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;12(4):119–122. (In Russ.)
7. Nurbalaeva A.M. Peculiarities of evidence in cases on the protection of privacy. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2021;(2):86–92. (In Russ.)
8. Gadzhialieva N.Sh. Subject of evidence in civil cases on the protection of privacy. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2022;(1):104–108. (In Russ.)
9. Novikov R.V. Legal regulation of the protection of information related to the private life of citizens in civil and personal data legislation. *Ex jure*. 2020;(2):64–71. (In Russ.)
10. Gavrilo E.V. The good memory of a deceased person as an intangible good in the Civil law of the Russian Federation and foreign countries. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2014;(9):39–47. (In Russ.)
11. Lomovceva Ya.R. Features of the protection of personal non-property rights after the death of a citizen. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Science*. 2023;(3-2):203–206. (In Russ.)

12. Patrusheva A.A. Criminal procedural succession of the rights of the deceased participant in criminal proceedings. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*. 2020;(1):140–147. (In Russ.)
13. Parygina N.N. On the problem of succession in relation to business reputation and other intangible benefits. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2016;(8):91–94. (In Russ.)
14. Egorov N.D. The concept of civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of civil law*. 2012;(4):42–65. (In Russ.)
15. Gukasyan R.E. Legal protection of the memory of the dead and the subject of judicial Protection. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 1973;(1):61–66. (In Russ.)
16. Tolstoy V.S. Personal non-property legal relations. Moscow: Elite; 2006. 209 p. (In Russ.)
17. Maleina M.N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection. Moscow: MZ Press; 2001. 244 p. (In Russ.)
18. Yaroshenko K.B. Civil law protection of honor and dignity. *Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva = Problems of improving Soviet legislation*. 1989;(3):72–84. (In Russ.)
19. Belov V.A. (ed.). Civil law: actual problems of theory and practice. Moscow: Yurajt; 2009. P. 634–639. (In Russ.)
20. Bogdanov E.V. Problem of preservation (“leaving after life”) of rights and obligations of the deceased citizen. *Advokat = Advocate*. 2015;(8):27–31. (In Russ.)
21. Popova I.Y. On the definition of the subject of evidence in cases on the protection of the privacy of a citizen. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;12(6):37–49. (In Russ.)
22. Romashov P.A. On the issue of the right to privacy in the digital age. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*. 2019;(2):103–118. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Устинов Вадим Дмитриевич, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vadim4697@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-5958-768X

Vadim D. Ustinov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vadim4697@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-5958-768X

Коротких Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773

Olga A. Korotkih, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: korotkixol@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7784-3773